

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар),
МАРЬЯ ЛЕЙНОНЕН (Хельсинки)

**ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В КОМИ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОДАЛЬНОГО ПЕРФЕКТА)**

Abstract. Evidentiality in Komi (on the Example of Modal Perfect)

Although the so-called second preterite, or modal perfect is presently giving way to the first preterite in journalistic and scientific Komi, it has not totally disappeared from the modern Komi language. Its three major meanings, manifested in spoken language, dialects, folklore and fiction are: (1) evidential, (2) perfective, and (3) evidential-perfective. Those semantic groups impart essential information either on events not personally witnessed by the speaker or on the results of an action that has taken place before the moment of speaking. The conditions of using the forms of those two preterites are analysed.

Keywords: Komi, first preterite, second preterite, evidentiality, modality.

1. Введение

Намерение написать данную статью возникло у одного из авторов во время симпозиума по глаголу, устроенного в Хельсинкском университете в 1996 г. Не зная об исследованиях друг друга, Н. Д. Козинцева и Марья Лейнонен выступили с докладами об эвиденциальности в армянском и коми языках. Первая тотчас предложила второй участвовать в планируемом ею сборнике по данной теме. После этого в соавторстве с Е. А. Цыпановым был написан первый вариант статьи, основанный на анкете, опубликованной Н. Д. Козинцевой в журнале «Вопросы языкознания». Позднее Н. Д. Козинцева предложила авторам внести изменения и дополнения, которые, как и предложения В. С. Храковского, по возможности учтены.

В течение последних десятилетий XX в. термин «эвиденциальность» прочно вошел в типологические описания балканских славянских, картвельских, иранских, тюркских, а также с недавнего времени финно-угорских языков. В языках, имеющих грамматическую категорию, указывающую на данный домен (функционально-семантическую категорию), т.е. неочевидность и схожие с ней явления, употребляется также термин «нарратив», пересказывательное время, а в более новой литературе рекомендуются, помимо эвиденциальности,

и понятия-гипонимы «indirective», «*médiatif*» (Dahl 1985; *L'énonciation médiatisée* 1996). В коми, как и многих других языках, значения неочевидности основываются на формах перфекта или результата, которые в подходящих контекстах развивают значение т.н. миратива (DeLancey 2001), неожиданного события.

Судя по статьям, посвященным эвиденциальности в специальном номере «*Journal of Pragmatics*» (33: 3, 2001), пока нет единого мнения о логической связи миратива с другими подвидами эвиденциальности. Представляется, что причиной тому частично является сравнительно слабая известность среди лингвистов данного понятия, редкость в языках мира специального его маркера. Однако в тех языках, в которых эвиденциальность выражена формами прошедших времен, временная отдаленность действия, оставляющая за собой «результаты», по которым говорящий делает выводы о происшедшем, может способствовать истолкованию «прерванности» в нормальной цепи событий: без подготовки или вопреки таковой ситуация представляется говорящему как нечто новое, неожиданное, как будто он вынужден верить своим глазам. Подобная «вынужденность», отдаленность от конкретного существующего, готового мира говорящего отражается и в определениях пересказывательности. Инференции, выводы говорящего тоже «висят в воздухе», базируются на собственном умозаключении в противовес всему осязаемому неопровержимому миру. «Цепь событий» связана с предельностью глагола, что, в свою очередь, отражается в предрасположении предельных глаголов к интерпретации миратива (см. также DeLancey 2001). Трудноуловимые значения эвиденциальности в формах перфекта часто сопровождаются и частицами, выражающими предположительность, утверждение предполагаемого факта и прочие модальные значения.

В финно-угроведении об эвиденциальности знали уже давно, неочевидность или нарратив покрывает весь его домен. Данному явлению с последовательным применением термина и его определениями посвящен второй номер журнала «*Linguistica Uralica*» за 2001 год. Под термином эвиденциальность прошедшие времена «нарратива» и «неочевидности» в коми и удмуртском языках описаны, например, в статье Марьи Лейнонен и Марии Вилкуна (Leinonen, Vilkuuna 2000). Данная статья следует тем же принципам распределения феномена эвиденциальности. Изложение подвидов сосредоточено на втором прошедшем времени (модальном перфекте), так как данная форма полностью выявляет все упомянутые подвиды и их же повторяют аналитические, сложные прошедшие времена, образованные с помощью вспомогательного глагола *вöвны* 'быть'.

2. Происхождение времени и его образование

Исторически II прошедшее время представляет собой относительно позднее образование в системе категории времени, возникшее на основе причастия прошедшего времени на *-öm/-эм*, употреблявшегося в функции сказуемого. Поэтому выражение перфекта с помощью форманта *-öm/-эм* в диалектах коми языка вполне регулярно (нет иных фонетических алломорфов), однако по диалектам есть значи-

тельные различия в лично-числовой суффиксации. Ради краткости приведем диалектные формы времен (положительные и отрицательные) лишь во 2-м и 3-м лице ед. ч.: комиЯ *мунөм(а)*, *мунөм(а)*, *обө мунөм(а)*, *обө мунөм(а)* (Лыткин 1961 : 67), оньк. *пэт-өм-ас'* (*пэт-өм-ныт*), *пэт-өм-ас'*, *абу пэт-өм-ыт*, *абу пэт-өм* (Баталова 1990 : 116), ни. *вөт-өм-ыт* (*вөт-өм-ат*), *вөт-өм* (*вөт-өм-а*), *абу вөт-өм-ыт*, *абу вөт-өм* (Баталова 1995 : 110), кк. *вэт-л-өмыт*, *вэтл-өм(а)*, *абу вэтл-өмыт*, *абу вэтл-өма* (Дмитриева 1998 : 118), лл. *мун-өмыд*, *мун-өм(-өма)*, *абы мун-өмыд*, *абы мун-өм(-өма)* (ЛЛД 79), вс. *мун-өмыд*, *мун-өма*, *мун-өм*, *абы мун-өмыд*, *абы мун-өма*, *абы мун-өм* (ВСД 119), сс. *-өмыд*, *-өм*, *-өма* (ССД 49), скр. *вөл-өмыд*, *вөл-өма*, *абу вөл-өмыд*, *абу вөл-өма* (ПСД 133), нв. *-өмыд* (*-эмыд*), *-өма* (*-эма*), *абу мунөмыд*, *абу мунөма* (НВД 48), вв. *-эмид*, *-эма* (ВВД 99), вым. *мун-өмыд*, *мун-өма*, *абу мун-өмыд*, *абу мун-өма* (ВД 119), печ. *-өмыд*, *-өма*, *тэ абу мун-өмыд*, *сийа абу мун-өма* (ПД 36—37), уд. *-өмыд*, *-өмыт*, *-өм*, *-өма*, *аб(у) карөмыд*, *аб(у) карөм(а)* (УД 68), иж. *-эма* (редко *-эмыд*), *абу мунэма* (редко *абу мунэмыд*), *абу мунэма* (ИД 81). Как показывают примеры, суффикс с *-э-*, сохраняющий более древнее состояние языка, употребляется лишь в верхневычегодском и ижемском диалектах.

Образование отрицательных форм глаголов во II прошедшем времени также не отличается вариативностью, они образуются так же, как и отрицательные формы прилагательных, ср., *Керкаыс сь ө д* ↔ *Керкаыс абу сь ө д* / *Керкаыс сь ө д а сь ө м а* ↔ *Керкаыс абу сь ө д а сь ө м а*. По типу образования отрицательных форм коми материал похож на соответствующие образования русского языка, что наглядно демонстрируют переводы данных предложений: 'Дом черный — Дом не черный / Дом почерневший (почернел) — Дом не почерневший (не почернел)'. Идентично образуются отрицательные формы глаголов в удмуртском языке, например, *тон учкем(ед)* 'Ты смотрел, оказывается', *тон өвөл учкем(ед)* или *тон учкемтэд* 'ты не смотрел, оказывается' (ГСУЯ I 204). Такая же картина исторически сложилась в угорских языках. Так, в венгерском языке отрицательная частица *net* в препозиции к глаголу в прошедшем времени формирует отрицательную фразу, например, *Én net sajnálot tagam* 'Я не жалею себя' (Сий 1981 : 73).

В литературных коми языках система спряжения глаголов II прошедшего времени представлена следующим образом:

		<i>мунны 'идти'</i>	
		ед. ч.	мн. ч.
1 л.		<i>мунөма</i>	<i>мунөмаӧсь</i>
2 л.		<i>мунөмыд</i>	комиЗ <i>мунөмныд(ӧсь)</i>
	комиП	<i>мунөмыт(ат)</i>	комиП <i>мунөмныт</i>
3 л.		<i>мунөма</i>	комиЗ <i>мунөмаӧсь, мунөмны</i>
	комиП	<i>мунөм(а)</i>	комиП <i>мунөмась</i>

Отрицательные глагольные формы образуются аналитически, при помощи отрицательной частицы *абу*, которая ставится перед спрягаемым глаголом, например, *Ваня абу мунөма школаӧ* 'Ваня, оказывается, не пошел в школу'. Если частица употребляется после глагола, весь смысл высказывания меняется, предложение преоб-

разуется из повествовательного в вопросительное: *Ваня в е т л ө м а а б у школаө?* 'Ходил ли Ваня в школу?'

Представлена наиболее полная система спряжения, она включает формы 1-го лица для литературного языка, а также дублирующую форму 2-го лица мн. ч. и суффикс *-ны* для 3 лица мн. ч. в качестве синонимичного показателя наряду с *-өсь*. Подробнее этот аспект уже был рассмотрен одним из авторов данной статьи (Цыпанов 1992 : 24—31).

Фонотактически суффикс *-өм/-эм* имеет вокалическую огласовку, которая в древности была конечным гласным основы, перешедшим к суффиксу после отпадения древнего огласовочного гласного, некогда следовавшего после *-mV*; изменения были следующими: **-mV > *-em > вым., удм., вв., иж. -em, комиЗ, комиП -em > -ема, -ема*. Конечный *-а-* является наиболее поздним составляющим форманта, идентичным суффиксу относительных прилагательных *-а*, например, *бөж* 'хвост' → *бөжа* 'хвостатый' (подробнее см. Цыпанов 1997 : 129—132). В принципе глаголы 1-го лица ед. ч. и 3-го л. ед. ч. не оформлены особыми личными формантами, суффиксы *-өм* и *-өма* воспринимаются как показатели и 1-го, и 3-го лица, будучи грамматическими омоморфами, ср., *Ме у з ь ө м (а)* 'Я спал, оказывается' → *Сийө у з ь ө м (а)* 'Он(а) спал(а), оказывается'.

Обычно считается, что в общепермском праязыке перфекта еще не было, что он развился самостоятельно уже в отдельных языках, на что указывают различия в лично-числовой суффиксации в парадигмах склонения различных диалектов (Серебренников 1963 : 252). Противоположная точка зрения о праязыковом развитии этого времени выглядит более убедительной (Цыпанов 1997 : 141—142; Bartens 2000 : 202). Вполне возможно, что первоначально к суффиксу **-em* во всех трех лицах не присоединялись еще притяжательные форманты существительных, как это еще имеет место в современном удмуртском языке.

3. О двойственной природе функций времени

В научной и учебной литературе рассматриваемое прошедшее время именуется или неочевидным прошедшим, или перфектом. Эта двойственность видна и из описания значений времени, хотя в большинстве научных трудов на первое место ставилось именно эвиденциальное значение.

В нормативных грамматиках коми языка, как правило, значение эвиденциальности всегда вычленяется в качестве основной характеристики данной временной формы глагола. В грамматике 1955 г. говорится: «Второе прошедшее время показывает, что говорящий не принимал никакого участия в совершении действия, он не был очевидцем совершившегося действия, результат которого констатируется данной формой глагола, а утверждает реальность совершения действия со слов других, констатирует о действии по результату (*Иван м у н ө м а* 'Иван ушел, оказывается')» (СКЯ 215). Именно из-за неочевидного значения употребления форм времени оно названо как неочевидно-результативное в отличие от очевидного прошедшего, обра-

зующегося при помощи суффикса *-и* (*i*), напр., *Талун лунтыр лы-мъялис* 'Сегодня весь день шел снег'. Подобным же образом разграничивается употребление глаголов в формах I и II прошедших времен в грамматике коми-пермяцкого языка: «Глаголы, имеющие форму прошедшего первого (очевидного) времени, обозначают действие, которое происходило в присутствии говорящего: *Сія мунис* 'Он (она) ушел (ушла)'. Глаголы прошедшего неочевидного времени обозначают действие, происходившее без присутствия говорящего. Говорящий узнает о действии по результатам: *сія мунома* 'он ушел, оказывается'» (КПЯ 253). Эвиденциальность служит главным основанием для разграничения двух разновидностей прошедших времен и в удмуртской грамматике. В отличие от коми грамматик в удмуртском языке выделяются и формы времен в 1-м лице, в единственном и множественном числе, причем в этих случаях речь идет о таких действиях, исполнителем и очевидцем которых был сам говорящий, т.е. употребление фиксируется не в значении эвиденциальности, например, *Укноысь тыльёсты адзыса, Сима шуиз*: «*Бен асьмеос в уи ськ еммы ук. Кыче жою*» (И. Гаврилов) 'Увидев свет в окнах, Сима сказала: «Оказывается, мы уже доехали. Как быстро»' (ГСУЯ 206).

Таким образом, обязательно отмечая значения неочевидности соответствующих временных форм, нормативные грамматики не представляют достаточной картины употребления глаголов. Подобная традиция характерна и для монографий по диалектам и учебных пособий для школ и вузов. Б. А. Серебренников после анализа употребления глаголов делает вывод: «Употребление перфекта в современном коми-зырянском языке двухаспектно: он может употребляться или в роли чистого перфекта, или как средство выражения модального значения неочевидности действия» (1960 : 63). Тем не менее результативное (перфектное) значение им было абсолютизировано: «так называемое прошедшее неочевидное время представляет чистейший перфект, выражающий законченное действие, результат которого существует в настоящее время» (Серебренников 1960 : 59). В другой монографии ученый говорит о модальном значении неочевидности как результате развития от более древнего, базового перфектного значения (Серебренников 1963 : 266). В целом трудно однозначно говорить о более позднем развитии эвиденциальной семы II прошедшего времени; возможно, семантическая роль в выражении косвенной засвидетельственности в языке была заложена уже изначально. Причастия прошедшего времени на *-öm* и *-öма* в активных значениях как основа развития II прошедшего времени изначально характеризуются статичностью и неактивностью. Примечательно, что причастия прошедшего времени в коми языке почти не имеют конструкций с управляемым объектом в форме аккузатива, невозможно перевести в соответствующую причастную конструкцию «лиса, вырвавшая себе нору» (подробнее об этом см. Цыпанов 1997 : 134—139).

Более детально представлены значения второго прошедшего времени в учебном пособии для учителей коми языка (Федюнева, Цыпанов 1992). В грамматическом значении II прошедшего времени или, в иной терминологии, модального перфекта выделено четыре разновидности

значений: 1) результативное (*Увлань пöлынтьчöмны пуяс* (А. Размыслов) 'Наклонились вниз деревья'); 2) результативное сравнительное (употребляется в сравнительных конструкциях) (*Быттьö ва босьтöма вомас, кыв оз шу* 'Как будто в рот воды набрал, ничего не говорит'); 3) пересказывательное, нарративное значение (*Öти шоғ пö борсьыс мөддөс кыскö, шу лöма öсь* 'Одна беда, говорили в старину, другую за собой тянет'); 4) значение следственное, выводящееся от очевидных свидетельств или следов действия (*Стен пöлөн джаджьясын тыр куйлисны книгаяс. Дерт, верöсыслөн на, наукаясса кандидатлөн, колöма öсь книгаяс* (В. Напалков) 'Возле стен на полках везде лежали книги. Конечно, еще от ее мужа, кандидата наук, остались (сохранились) книги' (Федюнева, Цыпанов 1992 : 61—62). Две последние разновидности относятся к выражению эвиденциальности.

Часто на двойственности семантики II прошедшего времени, а также на больших отличиях от значений I прошедшего времени внимание не акцентируется. Так, иные исследователи схематично показывают функциональные сферы употребления времени. Б. Коллиндер считает исследуемые формы повествовательным претеритом — the narrative preterite (Collinder 1960 : 268), Р. Бартенс называет их просто вторым претеритом (Bartens 2000 : 202). В принципе лишь дескрипция всего спектра значений временных форм, их контекстуальные описания и толкования дают возможность объективно представить значения и функции времени.

4. Грамматическая семантика модального перфекта

В отличие от I прошедшего времени, глаголы в формах II прошедшего имеют практически однозначное аспектуальное значение, обозначают действие завершённое, имеющее результат, или действие, которое не имеет продолжения в настоящем, оно было и уже не происходит в момент речи:

- (1) *Зонка п е т ö м а ывлаö*
Мальчик:НОМ выйти-PRF:3SG улица:НОМ-SG-ILLAT
'Мальчик вышел на улицу, оказывается'

Вторая особенность семантики временных форм — представление завершённого процесса как бы с внешней точки зрения от него, не с позиции наблюдения над ситуацией изнутри, а отстраненно, с точки зрения говорящего как внешнего наблюдателя:

- (2) *Еджыд тошка, кажитчö, сийö гы ö р а с ь ö м а*
С белой бородой, кажется, он:НОМ заиндеветь:PRF:3SG
тöвся лап моз
как зимняя лапка (Рочев 25)
'Белобородый, кажется, он заиндевел, как зимняя хвойная лапка'

Точка наблюдения здесь соответствует моменту речи, хотя глаголы могут легко обозначать и недавние, и давнопрошедшие действия.

На основании анализа текстовых примеров можно отметить, что глаголы в формах II прошедшего времени в принципе выражают и

тройственную семантику — чисто результативную (статальный перфект), чисто эвиденциальную, неочевидную (квотатив), и смешанную, когда результативность и эвиденциальность своеобразно дополняют друг друга.

5. Результативные значения

Перфектное значение II прошедшего времени представляет собой результатив. Суть результата, называемого также перфектом состояния или статальным перфектом, состоит в том, что состояние, выражаемое глагольной формой, является логическим выводом из совершившегося действия. Например, в русском языке результатив в наиболее чистом виде представлен предикативными страдательными причастными формами прошедшего времени: если сломали что-либо, данный предмет сломан, находится в автоматически результирующем состоянии. Подобный вывод предполагает, что глагол предель (Цыпанов, Лейнонен 2000 : 83—84). В коми языке формы II прошедшего времени предельных глаголов тоже имеют значение результативности:

- (3) *Ваня дядь ёна пöрысь мöма*
 Дед Ваня:НОМ сильно:FDV состариться:PRF3SG
 'Дядя Ваня сильно постарел'

Перфект также обозначает действие в прошлом, последствия которого сохраняются в момент речи. Однако это могут быть любые последствия, так или иначе релевантные для говорящего в данный момент. 1) Наиболее распространено у глаголов II прошедшего времени результативное наглядное значение действия, результаты которого говорящий видит визуально, слышал звук или воспринимает иные реальные проявления результата процесса:

- (4) *Галялöн пöсь синъясыс шудысла*
 У Гали:GEN горячие глаза:АКК-PL от счастья:CAUS
вазьыштöмны
 увлажниться:PRF3PL (Куратова 86)
 'У Гали горячие глаза от счастья увлажнятся'

Говорящий, непосредственно наблюдая, ощущая результаты действия, констатирует определенные изменения, причем может свидетельствовать о завершенном действии, происшедшем или в далеком прошлом, или недавно и даже неважно в какое время, например, *Зон о мöльтчöма, бан бокъясыс топалöмаöсь, лöз синъясыс вöйöмаöсь пыдöдз* (Изьюров 1963 : 114) 'Парень похудел, лицо осунулось (букв. щеки сжались), черные глаза запали (до голубины)'; *Пеньковлöн чужöмыс ыргöн рöмöдз го жъя лöма* (ВК 1989, № 1, с. 14) 'Лицо Пенькова загорело до медного цвета'; *Ваня казялис пожöмъяс вылысь важ визир лöсасъяс, пемыдöсь, ру бечасьöмаöсь* (Торопов 99) 'Ваня заметил на соснах старые зарубки визиров, они темные, зарубцевались'; комиП *Ефимыч, видзöт Иньва вельтас [---] Радуга мыччисьöм* (Баталов 1986 : 179) 'Ефимыч, смотри над Иньвой [---] Радуга появилась'.

2) Субъективно-результативное или иногда непроизвольно результативное значение выражают глаголы в формах 1-го лица, когда говорящий сообщает о своем состоянии, которое является одновременно результатом завершившегося действия:

- (5) *Ме с ё й ё м а - ю ё м а*
Я:PRON-NOM есть-пить:PRF-1SG (ВК 1990, № 8, с. 33)
'Я поел-попил (поевший-попивший)'

Долгое время в научной и учебной литературе члены парадигмы 1-го лица ед. и мн. числа II прошедшего времени не выделялись, их вычленил лишь И. А. Куратов в своей грамматике коми языка (1939 : 93), хотя они употреблялись в диалектах и литературных текстах. В новейшей научной грамматике коми языка они кодифицированы в качестве литературной нормы (ÖKK 249—250). Соответствующие формы 1-го лица широко используются в перфектах удмуртского и марийского языков, поэтому необходимы дополнительные примеры на рассматриваемый вид значения: сс. *Ме бура п а с' т а с' ё м* 'Я хорошо оделся'; вым. *Ме к о л ь ё м а ай сь ё рысь нель арёса* (ОКР 203) 'Без отца я остался с четырех лет'; лл. *Войнас и ч е т ч ы л л ё м а да вой шёрнас и пачлө л о н т ы л л ё м а* '(Я) ночью, оказывается, встала и ночью печку топила' (ОКР 179); *Трактористъяс быдён откодя шуисны — ми п а с ь т а с ь ё м а ё с ь шоныда* (ВК 1988, № 4, с. 54) 'Трактористы все как один сказали — мы оделись тепло'; *Но а б у ме сы дорё гезйён к ё р т а с ь ё м а ни с и р а с ь ё м а* (ВК 1990, № 10, с. 36) 'Но я к ней веревкой не привязан и не присмолился'.

3) Значение результативно-сравнительное встречается в составе сравнительных придаточных предложений, пословиц и поговорок, однако глаголы в этом значении на самом деле указывают на степень, меру, интенсивность другого действия, качество человека, или на развитие иной ситуации:

- (6) *Бытьё ва б о с ь т ё м а вокас,*
Как будто вода:AKK-SG взять:PRF-1SG рот:NOM-ILLAT
кыв оз шу
слово:NOM-SG говорить:NEG-PRS-3SG [он] (КРФС 25)
'Как будто воды набрал в рот, ни слова не говорит'.

Дополнительные примеры: *Бытьё петукюр к е р а л ё м а* (когда у кого-то сильно дрожат руки) (КРФС 25), букв. 'Как будто голову у петуха отрубил'; *Ки-кокйй л и г ы ш м у н ё м а, вын ни эбёс. Бытьё т а л ь ы ш т ё м а ё с ь му бердас, л я з ё д ё м а ё с ь гутёс моз* (ВК 1992, № 1, с. 17) 'Руки-ноги обессилели, силы нету. Как будто приптали к земле, раздавили как муху'.

6. Эвиденциальные значения

Эвиденциальная семантика у глаголов II прошедшего времени является основной. Коми язык типологически относится к языкам, которые имеют грамматически маркированные формы для выражения эвиденциальности, т.е. засвидетельствованности, предполагающей обязательное указание на источник сведений говорящего. Речь идет о формах т. н.

II прошедшего времени, грамматическое значение которого включает эвиденциальную сему. Эвиденциальность в современной научной литературе чаще всего понимается как «область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений» (Козинцева 1994 : 92). Это понятие в литературе обозначают также такие термины, как пересказывательность/непересказывательность, дистантность (\pm), заглазность, засвидетельствованность/незасвидетельствованность, имперцептив, конфирмативность/неконфирмативность.

1) Неочевидное пересказывательное или нарративное значение, квотатив чаще всего употребляется в устной речи, фольклоре и художественной литературе:

- (7) *Шудӧны, донъясыс пӧ бара со дӧмны*
 Говорить:PRES-3PL цена:NOM-PL мол опять подняться:PRF-PL
 'Говорят, цены, мол, опять поднялись'.

Здесь дается краткая дескрипция значений (подробнее Цыпанов, Лейнонен 2000 : 83—99). Информацию о неочевидном, завершённом действии говорящий мог получить различными путями: устно или письменно от конкретного лица непосредственно, от группы лиц, от неопределённых лиц (слухи), из средств массовой информации, из легенд, сказаний, книг, документов, научных работ и т.п. Примеры: комиП *Дед Ефимыч висътасис меным ӧтик история. Му нӧма сия кыдзкӧ ӧтпырысь одз асылӧн вӧрӧ кошшыны таррезӧс. Ылісянь кы лӧм нылісь тулысья сьылӧмсӧ* (Баталов 224) 'Дед Ефимыч рассказал мне одну историю. Пошел он, мол, как-то однажды рано утром в лес искать тетеревов. Издалека он услышал их весеннее пение'; комиЗ *Вичкодорӧ тӧнлун карса артистъяс во ӧмны, кольӧм тулыс найӧ жӧ волісны и* (Куратова 112) 'В райцентр вчера, говорят, приехали артисты, в прошлую весну они же приезжали'. В настоящее время и глаголы в I прошедшем иногда употребляются в значении нарратива, при этом значение указания на источник исчезает, ср. *Важӧн пӧ Коми муын овлӧма ӧсь чюдъяс* \leftrightarrow *Важӧн пӧ Коми муын овлісны чюдъяс* 'Говорят, что на Коми земле в старину жила чудь'. Особенно активно такая конкуренция времен наблюдается в языке газет, радио, телевидения, научных и учебно-методических изданиях.

В древнем коми языке, очевидно, повествовательные функции выполняли формы именно II прошедшего времени, в современном же языке общеупотребительным прошедшим повествовательным временем является I прошедшее, претерит. Несомненно, функционирование I прошедшего в процессе развития языка значительно расширилось благодаря интенсивному влиянию русского языка, особенно явно это наблюдается в речи молодых коми, почти полных билингвов. Однако II прошедшее сохраняется как повествовательное в сказках (достаточно редко, обычно в зачинах), чаще всего в легендах, преданиях и быличках, например, *Важӧн мян грездын во лӧма озыр морт. Сылӧн во лӧма зэв бур мӧс. Сийӧ ӧсьӧк сайӧ петас, да абу и локтӧма* (КМ 189) 'В древности в нашем селе был богатый человек. У него была очень хорошая корова. Она вышла за городьбу из срубленных деревьев и обратно не пришла'. Однако в некоторых изданиях переводного характера повествование строится на II про-

шедшем, к примеру, в переводе на коми-пермяцкий язык Евангелия от Матфея (Матъвей съörти Бур юör, Хельсинки—Стокгольм 2001). Разграничения факторов, определяющих употребление претерита и модального перфекта в современном языке, более подробно рассмотрено в одной статье Е. А. Цыпанова (2002 : 165—175).

2) Значение неожиданного, незапланированного/непредсказуемого действия, или адмиратив, реализуется в определенных контекстуальных условиях, когда говорящий фиксирует незасвидетельствованное действие, приведшее его в аффективное состояние:

- (8) *Ваня, тэ тай гортад абу у з ь ö м ы д!*
Ваня, ты:PRON-NOM оказывается дом:INESS-SG спать:NEG PRF-3SG
'Ваня, ты, оказывается, дома не ночевал!'

Значение реализуется в соответствующих экстралингвистическим ситуациям контекстах. К примеру, в одном рассказе Евгения Афанасьева говорится о том, как дед Мирон прорубает окно в сарай с улицы. Затем туда приходит его жена, видит его работу и говорит: *Но и бур дела в ö ч ö м ы д, Миронушка, югыд л о ö м а ö н i. — Сэсса матыстчис дедыс дорö. — Мый нö тайö, Миронö? Лызьяссö а б у - ö шöри п и л и т ö м ы д? Верстаксö дай...* (Афанасьев 50) 'Ну и хорошее дело ты сделал, Миронушка, стало светло теперь. — Потом подошла к деду. — Что же это такое, Мирон мой? Не распилил ли пополам лыжи? Да и верстак...'

7. Смешанные (эвиденциально-результативные) значения

1) Значение неочевидно-предположительное является смешанным, здесь семы эвиденциальности и результативности соединены воедино, так как говорящий предполагает, догадывается о действии на основании разных результатов действия, признаков, например, по результатам ночного дождя:

- (9) *Гöгöр гöпъяс, войнас сiдзкö з э р ö м а*
Вокруг лужа:НОМ-PL, ночью:ADV значит идти дождю:PRF-3SG
'Вокруг лужи, ночью, значит, лил дождь.'

Данное значение часто употребляется в языке охотников, когда определяют зверей-птиц по их следам на снегу: *Со ур ч ö с м а - с ь ö м а коль кöйдысöн, ш ы б л а л ö м а кольяссö лым вылас, коз вывсьыс лым чиръяссö к и с ь т ö м а и. Со тулан ассъыс вöрала-нiнъяссö г ö г ö р т ö м а, м у н ö м а тэрмасьöмön, весиг вужля горувьяссö абу видзöдлöма, пöттöдзыс, тыдалö, кöнкö ш ы р а с ь ö - м а да* (Афанасьев 33—34) 'Вот белка полакомилась семенами шишек, разбросала шишки на снег, рассыпала также и снежинки с ели. Вот куница обошла свои охотничьи места, прошла спеша, даже не заглянула под вывороченные с корнем деревья, наверное, где-то досыта наохотилась на мышей'. Говорящий может говорить о действиях и с известной долей уверенности или же неуверенно, предполагая, допуская факт действия по определенным факторам, указывающим на его результат: *Быдмögъясöс нимтiгöн тшöтш тöд вылын к у т л ö м а ö с ь налысь рöмсö. Шуам, гөрд сэтөр, сьöд сэтөр* (Игушев 22) 'При наиме-

новании растений также имели в виду их цвет. Например, красная смородина, черная смородина’.

2) Неочевидное повествовательное или эвиденциально-нейтральное время часто употребляется наряду с I прошедшим в фольклоре, художественной литературе, при пересказе былей, случаев из жизни и т.п. У повествователя есть установка описывать видимую обстановку действий персонажей, как бы находясь рядом (повествователь погружается в ощущения героев и ведет рассказ, находясь в отношениях одномоментности с подразумеваемым моментом речи), например, *Кузьли, дженьдыд ли, лоӧ тулысыс, но сійӧ заводитчис... Михайло дед кушмӧминӧ ассыс пыжсӧ кыс кӧма да дзужалӧ сирӧн. А сир дукуыс гӧгӧр кутиӧм!* (Афанасьев 10) ‘Долгая или короткая будет весна, неизвестно, но она началась... Дед Михайло на освободившееся от снега место втащил свою лодку и просмаливает ее смолой. А запах смолы вокруг какой!’. Для повествователя неочевидным является действие глагола *кыскыны* ‘втащить’.

В результате исследования семантического объема глагольных форм во II прошедшем времени можно предположить, что, вероятно, развитие двух основных грамматических сем результативности и эвиденциальности в ходе истории пермских языков могло происходить параллельно. Само же комплексное значение модального перфекта послужило важнейшим параметром в развитии системы аналитических прошедших времен.

Addresses:

Jevgenij Cypanov
Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre
E-mail: tsypanov@ksc.komisc.ru
Phone: +8212 425564

Marja Leinonen
University of Helsinki
E-mail: marja.leinonen kolumbus.fi

Сокращения

Диалекты коми-зырянского языка: **вв.** — верхневычегодский диалект, **вс.** — верхнесыольский диалект, **вым.** — вымский диалект, **иж.** — ижемский диалект, **зюзд.** — зюздинский (верхнекамский) диалект, **л.** — лузско-летский диалект, **нв.** — нижневычегодский диалект, **печ.** — печорский диалект, **скр.** — присыктывкарский диалект, **сс.** — среднесыольский диалект; **диалекты коми-пермяцкого языка:** косинско-камский диалект, **ни.** — нижеиньвенский диалект, **оньк.** — оньковский диалект; **комиЯ** — коми-язьвинский диалект (наречие).

Источники: **Афанасев** — Е. Афанасьев, Кытшъяс. Шмонитана висътъяс, Сыктывкар 1988; **Баталов** — В. Баталов, Шыннялӧ вӧр. Бӧрийӧм произведеннӧез, Кудымкар 1986; **Игушев** — Е. А. Игушев, Тайӧ муса кылӧн чойвок сӧрнитӧны, Сыктывкар 1983; **Изъюров** — И. Изъюров, Том олӧмӧй том гажӧй, Сыктывкар 1963; **Куратова** — Н. Куратова, Бобнянь кӧр, Сыктывкар 1983; **Рочев** — Е. Рочев, Лӧз тундра, Сыктывкар 1980; **Торопов** — И. Торопов, Тян, Сыктывкар 1982.

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. А. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966 (Историко-филологический сборник, Вып. 10); **ВК** — Войвыв кодзув, литературно-художественный

журнал на коми-зырянском языке, Сыктывкар; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; **ГСУЯ** — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1970; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **КМ** — Коми мойдъяс. Лӧсьӧдіс, литературной кыв вылӧ вуджӧдіс да вӧчис примечаниеяс Ю. Г. Рочев, Сыктывкар 1991; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; **КРФС** — И. И. Тарабукин, Краткий коми-русский фразеологический словарь, Сыктывкар 1959; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985; **ОКР** — Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; **ӦКК** — Ӧнія коми кыв. Морфология, Сыктывкар 2000; **ПД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова, Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ПСД** — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **СКЯ** — Современный коми язык I. Фонетика. Лексика. Морфология, Сыктывкар 1955; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесысольский диалект коми языка, Москва 1980.

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова Р. М. 1990, Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков, Москва.
— 1995, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург.
- Жилина Т. И. 1998, Вымский диалект коми языка, Сыктывкар.
- Дмитрива Р. П. 1998, Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология). Канд. дисс., Йошкар-Ола.
- Козинцева Н. А. 1994, Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа). — ВЯ № 3, 92—104.
- Куратов И. А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар.
- Лыткин В. И. 1961, Коми-язвинский диалект, Москва.
- Серебрянников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва.
— 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Сий Э. 1981, Курс венгерского языка, Будапешт.
- Сорвачева В. А. 1978, Нижневычегодский диалект коми языка, Москва.
- Сорвачева В. А., Безносикова Л. М. 1990, Удорский диалект коми языка, Москва.
- Федюнева Г. А., Цыпанов Е. А. 1992, Ашӧр кывсикасьяс коми кывйын, Сыктывкар.
- Цыпанов Е. 1992, Дополнения к парадигме II прошедшего времени в коми языке. — LU XXVIII, 24—31.
— 1997, Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция, Екатеринбург.
— 2002, К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке. — LU XXXVIII, 165—175.
- Цыпанов Е. А., Лейнонен М. 2000, Эвиденциальная сема II прошедшего времени в коми языке. Коми слово в грамматике и словаре, Сыктывкар (Труды ИЯЛИ УрО РАН. Вып. 62), 83—99.
- Barrens, R. 2000, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).
- Collinder, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm.
- Dahl, Ö. 1985, Tense and Aspect Systems, Oxford.
- L'énonciation médiatisée, Louvain, 1996.
- Leinonen, M., Vilkuna, M. 2000, Past Tenses in Permic Languages. — Tense and Aspect in the Languages of Europe, Berlin (Empirical Approaches to Language Typology. Eurotyp 20-6), 495—516.

JEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar), *MARJA LEINONEN* (Helsinki)

**EVIDENTIALITÄT IN DER KOMI-SPRACHE
(ANHAND DES MODALEN PERFEKTS)**

In der gegenwärtigen Komi-Sprache erleben das sog. Präteritum II oder das modale Perfekt in Pressetexten und wissenschaftlichen Abhandlungen unter dem Einfluss des Präteritums I eine augenscheinliche Verdrängung, aber ganz verschwunden sind diese Formen noch nicht. Im mündlichen Sprachgebrauch, in den Dialekten, in der Folklore und in der Belletristik hat er drei wichtige Bedeutungen: 1) eine evidentielle, 2) eine perfektive und 3) eine evidential-perfektive. Die drei Bedeutungsgruppen vermitteln wesentliche Informationen über ein Geschehen, dessen Zeuge der Sprecher selbst nicht gewesen ist, oder über die Ergebnisse einer vor dem Gesprächsbeginn abgelaufenen Handlung. Im vorliegenden Artikel werden die Bedingungen für den Gebrauch dieser Vergangenheitsformen dargelegt.